

Большие социальные группы как мишени информационных войн: уязвимость и ресурс сопротивления¹

Ю. В. Ковалёва*, В. А. Соснин** (Москва)

* кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: julkov@inbox.ru

** кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: sosninrus@rambler.ru

Выдвинуто предположение, что исчезновение с исторической и политической арен исторического субъекта не означает его исчезновение как субъекта психологического или коллективного. На примере атаки, которая осуществляется против истории Великой Отечественной войны, показаны как негативные явления, свидетельствующие об актуализации процессов, подрывающих субъектность группы, так и позитивный ресурс противостояния российского общества информационному воздействию, в частности, роль акции «Бессмертный полк», ее символическое и репарационное значение, обращение к глубинной народной традиции.

Ключевые слова: психоисторическая война, информационная война, макропсихология, исторический субъект, большие социальные группы, коллективный субъект, автофобия, субъектность группы, Бессмертный полк, психологическое противодействие.

Информационные войны направлены на подрыв субъектности геополитического оппонента. Мишенями информационных войн могут являться *большие социальные группы*, объединенные на основе общности национальных, территориальных, половозрастных, профессиональных, культурных и других признаков. В качестве примера такой войны можно назвать так называемую «холодную войну» и ее

---

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2017-0001.

промежуточный успех в виде распада в 1991 г. СССР, когда прекратила свое существование такая уникальная общность, как «советский народ». Тем не менее, представляется, что исчезновение с политической арены того или иного исторического субъекта не означает его исчезновения как субъекта психологического или коллективного (Журавлёв, 2002; Журавлёв, Емельянова, 2009). Этому явлению есть очевидные подтверждения в общественной жизни ряда стран постсоветского пространства, но пока оно не стало предметом специального научного анализа. Например, акция «Бессмертный полк», начавшись в 2012 г. с частной инициативы в одном из российских городов, почти сразу была подхвачена в странах СНГ и начиная с 2015–2016 гг. переросла в общемировое движение, которое на тот момент поддерживало около 60 стран. В 2017 г. в акции приняло участие уже 66 стран. Общая история бывших соотечественников и совместная борьба многих народов мира против фашизма в середине XX в. явились основой демонстрации их современных намерений, направленных против потери исторической памяти. Акция «Бессмертный полк» позволила продемонстрировать не только коллективную память, эмоции и чувства, но и готовность действовать сообща, а также способность к самоорганизации.

Таким образом, социально-психологический анализ больших социальных групп как *коллективных субъектов*, являющихся основными мишенями информационных войн, с позиции не только их уязвимости, но и ресурса сопротивления различным информационным воздействиям, может выступать одним из направлений изучения проблематики психоисторической войны.

Проблема воздействия, в том числе информационного, является одной из актуальных для современного российского общества в плане его информационно-психологической безопасности (Проблемы психологической безопасности, 2012). Проблема деструктивных воздействий информации, ее сознательного искажения и конструирования специальных дискурсов остро встает в связи с активной медиацией современной жизни, влияние которой направлено на большие социальные группы. Исследования конкретных технологий, например, закономерностей психологического воздействия СМИ и тенденций модификации постсобытийного дискурса по отношению к исходному новостному поводу, на данный момент уже получили свое развитие (Психология дискурса..., 2016).

Психологические исследования больших социальных групп открывают возможности анализа уровня их социальной активности, появления в них новых групповых феноменов, изменений в осознании ими своего места, а также новых функций и ролей в обществе,

т. е. динамики, которая отражает их способность быть субъектами, и, следовательно, влиять на состояния всего общества в целом.

Большим социальным группам может быть приписано качество субъектности на основе *признаков* коллективного субъекта – взаимосвязанности членов группы, их совместной активности и саморефлексивности (Журавлёв, 2002). В работах последних лет выделяется также признак, в значительной степени аккумулирующий то, что латентно подразумевается другими признаками – *способность к саморазвитию*, связанному с внутригрупповыми процессами: осмыслением собственных проблем, потребностей и т. д. (Журавлёв, Емельянова, 2009, с. 8). Однако отнесение этого признака к большим социальным группам является отдельной научной проблемой.

Таким образом, *субъектность* больших социальных групп можно рассматривать как ресурс психологического благополучия общества в целом. Активные, саморазвивающиеся большие социальные группы, способные к саморефлексии, т. е. осознающие собственную историю, актуальные условия своего существования и активно взаимодействующие с целью разрешения различных проблемных внутригрупповых процессов, могут являться основой перспективного развития общества (Доверие и недоверие..., 2013; Макропсихология, 2009). Данное теоретическое предположение требует, как дальнейшего теоретического анализа, так и эмпирического подтверждения.

Можно заметить, что в различные исторические периоды, а также в различных общественно-экономических условиях на первый план могут выходить те или иные факторы, влияющие на субъектность больших социальных групп. К факторам, влияющим на уровень субъектности большой социальной группы, относятся: актуальная общественная ситуация, традиции совместных действий, устойчивая историческая память, опыт совместной активности и система взглядов, внедряемых в групповое сознание (Журавлёв, Емельянова, 2009).

В начале XX в. в период смены общественно-исторических формаций в России в трансформационных процессах оказались задействованы такие большие социальные группы, как классы, при этом основную роль сыграл *фактор политического строя* страны – монархия, а также глубокие противоречия между правящим классом и трудящимися. Межгрупповая разобщенность больших социальных групп, не способных к совместной активности в решении экономических и военных проблем, сыграла роковую роль в судьбе страны.

На настоящем этапе в связи с бурным развитием интернета, массовой информатизацией, широким доступом к различным СМИ,

возможностями компьютерной графики и цифровых технологий на первый план по воздействию на субъектность больших социальных групп выходит *фактор внедрения* систем взглядов, идей или целостных концепций.

Так называемая «историческая политика», или политизация и идеологизация истории, с конца XX в. становится глобальной тенденцией и по отношению к России принимает характер особой враждебности (Серегин, 2012). За последние десятилетия оппонентам России удалось распространить значительный объем информации ложного или неоднозначного содержания по самым разным поводам, направленный на разрушение национальной идентичности. Особым нападкам подвергаются сложные или самые значимые моменты отечественной истории. Это, прежде всего, касается Великой Отечественной и Второй мировой войн. Пересматривается ответственность за начало войны, роль Советского Союза в победе над фашизмом, обесценивается вклад лидеров страны и полководцев, высказываются сомнения о правильности тех или иных решений (Гареев, 2014). Например, общественному мнению как дискуссионная была преподнесена тема обороны Ленинграда. Герои обороны Москвы, 28 панфиловцев, и их бой на Волоколамском шоссе директором Государственного архива были названы мифом. Освобождение стран Восточной Европы переформулировано как оккупация и т. д. (Серегин, 2012). Таким образом, история Великой Отечественной войны стала «лакмусовой бумажкой многих современных политических процессов», точкой идеологического и политического противостояния (Чубарьян, 2016, с. 387–388).

Можно увидеть, что построение историко-политического курса такого рода укладывается в формулу «кто владеет прошлым, тот владеет будущим». Атака на историю России осуществляется в рамках *психоисторической войны* с целью ослабления политической системы и экономического развития страны, ее конкурентоспособности.

Все информационные воздействия, описанные выше, так или иначе, влияли на состояние российского общества. Дискуссии, споры, высказывания отдельных лиц демонстрировали раскол мнений, резкость суждений, обиду одной из сторон, обвинения, апелляцию к морально-нравственным качествам и другие эмоционально острые реакции и состояния. Типичными итогами столкновения мнений по таким значимым вопросам, как правило, являются поляризация мнений и разделение первоначальной целостной группы на «мы» и «они» или на «своих» и «чужих» (Соснин и др., 2011; и др.).

С позиций психологии больших социальных групп как коллективных субъектов можно сказать, что таким образом актуализируются процессы, подрывающие субъектность группы.

Во-первых, совместная активность и взаимодействие приобретают негативный характер, т. е. по факту являются конфликтом, который дифференцирует группу, разрывая взаимные связи и взаимозависимость членов группы, разрушая ее целостность как коллективного субъекта.

Во-вторых, саморефлексивность группы, так или иначе, фиксирует эти процессы, что приводит к осознанию разрыва и разобщенности. Потеря чувства «мы», соотносимая с утратой значимого объекта, логично должна приводить к негативным эмоциональным состояниям, актуализации таких коллективных негативных чувств, как тревога и страх (Емельянова, 2016). Таким образом, разрыв связей между прошлым, настоящим и будущим, с которым сталкивается группа, делает невозможным реализацию саморазвития, что фактически свидетельствует о потере субъектности.

Однако подобное моделирование ухватывает лишь негативную сторону процесса, не учитывая позитивный ресурс, существующий в обществе, в том числе активизацию защитных процессов, коупингов, направленных, как на преодоление разрыва реальных отношений и связей между людьми, так и на сглаживание коллективных когнитивных противоречий и ментальных «пустот» (Емельянова, 2016).

Информационное воздействие на российское общество как *целостный* коллективный субъект в отношении событий Великой Отечественной войны породило очень разные негативные и позитивные процессы. К негативным процессам относятся, прежде всего, рост уровня нетерпимости к мнению оппонентов, ксенофобия. Это, например, проявилось в агрессивном стиле проведения дискуссий в СМИ, в частности, на телевидении, ставшем общепринятым на большинстве каналов и, несомненно, являющемся не только средством привлечения внимания аудитории. Вероятно, он также отражает внутреннее состояние дискуссионщиков – выразителей того или иного общественного мнения и, возможно, является средством канализации общественного напряжения.

Вместе с тем в обществе стали ярко проявляться различные явления, несущие символический смысл и направленные на восстановление и укрепление *национальной идентичности*. Среди них можно назвать такой феномен, как ношение георгиевской ленточки, первоначально сопровождавший празднование Дня Победы, но впоследствии фактически приобретший смысл идентификационного знака. Особый сакральный смысл ленточки подтверждает то, что и она довольно скоро стала объектом дискредитации.

Однако наиболее ярким примером активизации репарационных внутригрупповых процессов остается описанная выше акция «Бессмертный полк», обеспеченная «феноменальным распространением гражданской инициативы». По данным социологических опросов (Мониторинг общественного мнения..., 2015), большинство респондентов (83%) считают необходимым вести борьбу с фальсификацией отечественной истории, при этом 54% замечали факты фальсификации истории, а 19% называют главным объектом фальсификации события Великой Отечественной войны. Конкретно об акции «Бессмертный полк» слышали 93% респондентов, 13% приняли в ней личное участие, 73% отметили, что она способствует сохранению памяти об этом событии, 60% опрошенных заявили, что планируют собственное участие в этом движении.

Акция «Бессмертный полк» стала уникальным явлением в современной истории страны, которое еще предстоит осмыслить с самых разных научных позиций. Однако уже сейчас можно назвать такие моменты, которые могут иметь отношение к динамике субъектности российского общества как большой социальной группы. Обсуждаемое народное движение – это явление, связанное с процессами утраты социальной идентичности (чувства «мы») и ее конструированием на новых основаниях, дефицитом способов демонстрации принадлежности к референтной группе и актуализации глубинных народных способов самовыражения, преодолением разрыва и восстановлением связи поколений (исторической памяти, саморефлексии). Потребность народа в условиях глобализации и размывания символических кодов в визуализации и подкреплении собственной идентичности, привлечении народных традиций и использовании народных архетипов, реализуется в таком праздновании Дня Победы.

Литература

- Гареев М. А. Великая Победа и современные интересы международной безопасности // Военно-исторический журнал. 2014. № 9. С. 30–34.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М., 2013.
- Емельянова Т. П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 1. № 1. С. 3–22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 16.10.2016).
- Журавлёв А. Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М., 2002. С. 51–81.

- Журавлёв А. Л., Емельянова Т. П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
- Макропсихология современного российского общества. М., 2009.
- Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3 (127).
- Проблемы психологической безопасности. М., 2012.
- Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности. М., 2016.
- Серегин А. В. Противостоять нашествию забвения // Вестник МГИМО. 2012. № 4 (25). С. 57–64.
- Соснин В. А., Журавлёв А. Л., Нестик Т. А. Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы V Международной научно-практической конференции. Казань, 2011. С. 158–163.
- Чубарьян А. О. Вторая мировая война в современной историографии и общественном сознании // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 5. С. 387–395.

Big social groups as the goals of the information war: vulnerability and the resource of resistance

Y. V. Kovaleva*, *V. A. Sosnin*** (Moscow)

* Candidate of psychological Sciences, senior research officer, Institute of Psychology of RAS

** Candidate of psychological Sciences, leading researcher, Institute of Psychology of RAS (Moscow)

The large social groups as collective subjects were considered as the targets of the psychohistorical war. The assumption was that disappearance from historical and political arenas of the historical Subject does not mean his disappearance as the psychological Subject or the collective Subject. On the example of the attack against The Great Patriotic War history the processes of the undermining of the group's subjectivity as well as the positive resource of the Russian society's opposition to the information influence – the “Immortal Regiment” action role, its symbolical and reparation values, its appeals to the deep national tradition, were shown.

Keywords: psychohistorical war, information war, macropsychology, historical Subject, large social groups, collective Subject, autophobia, group's subjectivity, “Immortal Regiment”, psychological opposition.